

Англичане въ допетровской Руси.

Въ нынѣшнее знаменательное время, когда союзъ Россіи съ Англіей является совершившимся фактомъ, вопросъ о первыхъ англо-русскихъ отношеніяхъ пріобрѣтаетъ животрепещущій характеръ современности. Переживаемыя нами грозныя событія вовлекаютъ широкіе слои русской интеллигенціи въ кругъ спеціальныхъ историческихъ интересовъ. Когда и при какихъ условіяхъ впервые появились англичане въ Россіи? Въ какія формы вылились ихъ сношенія съ нашими далекими предками? Каково было вліяніе англичанъ на Московскую Русь? Все это вопросы, которые въ данное время не могутъ не интересовать общество, а научныя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ позволяютъ историку дать на нихъ вполне удовлетворительный отвѣтъ.

Еще *Карамзинъ* указывать на то, что „связь наша съ Британіей, основываясь на взаимныхъ выгодахъ, безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости царя (Грознаго) и придала новый блескъ его царствованію“. Безусловно, что въ исторіи сношеній Россіи съ западными народами англичанамъ по праву принадлежитъ первое мѣсто; они первые установили правильныя торговыя и дипломатическія сношенія съ „Московіей“, открывъ новый свободный путь съ Запада въ нашу страну черезъ Бѣлое море; этотъ путь въ нынѣшнее военное время вновь привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе, нѣкоторыя газеты называютъ его „новымъ“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ дальше, англичане широко пользовались имъ для сношеній съ нашимъ отечествомъ уже три вѣка тому назадъ. Безпрерывныя мелкія войны XVI вѣка, какъ и нынѣшняя великая война, дѣлали Балтійское море крайне неудобнымъ и опаснымъ для правильныхъ рейсовъ. Только найдя и утвердивъ за собой новый сѣверный морской путь въ Россію, англичане могли стать прочной ногой на русскихъ рынкахъ и при московскомъ дворѣ, пользуясь у насъ непрерывно въ продолженіе цѣлаго столѣтія исключительно привилегированнымъ положе-

ніемъ. Ихъ многочисленныя мемуары и книги о Россіи давно уже признаны русскими историками цѣнными источниками и ярко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ близко удалось имъ подойти къ жизни допетровской Руси.

I.

Первое знакомство англичанъ съ Россіей относится къ 1553 году. По инициативѣ знаменитаго мореплавателя, Севастіана Кабота, въ Англии образовалось общество „купцовъ-искателей для открытія странъ, острововъ, земель и владѣній невѣдомыхъ и доселѣ морскимъ путемъ непосѣщаемыхъ“. Главною цѣлью своею оно ставило открытіе сѣвернаго пути въ далекую Индію и сказочный Китай. На частныя средства было снаряжено три корабля, на которыхъ 116 англичанъ-смѣльчаковъ пустились въ далекое невѣдомое плаваніе. Вышедшая 11 мая 1553 г. эскадра 14 іюня подплыла къ Гельголанду, а въ первыхъ числахъ августа близъ Вардегуза вѣтры разсѣяли мореплавателей. Два корабля съ главнымъ предводителемъ экспедиціи, сэромъ Виллогби (Sir Hugh Willoughby), были занесены въ Бѣлое море и вскорѣ затерты льдами близъ пустыннаго Ланландскаго берега; зато третье судно „Эдуардъ Благое Предпріятіе“, кормчимъ котораго былъ Ричардъ Чанслеръ, спасаясь отъ бури, благополучно пристало 24 августа въ устьѣ Двины, близъ монастыря святого Николая.

О своемъ неожиданномъ прибытіи въ Россію англичане рассказывали послѣдствіи такъ: приставъ къ берегу, они увидѣли невдалекѣ рыбацью лодку и пошли къ ней навстрѣчу, но испуганные рыбаки бѣжали; когда же англичане догнали ихъ, тѣ въ страхѣ пали ницъ и хотѣли цѣловать ихъ ноги. Еще до отъѣзда изъ Англии мореплавателямъ была дана строгая инструкція обращаться съ мѣстными жителями возможно мягко и гуманно. ¹⁾ Чанслеръ поднялъ съ земли рыбаковъ и постарался знаками успокоить ихъ; это пробудило въ нихъ любовь и довѣріе, и они побѣждали распространять слухъ о пріѣздѣ новаго ласковаго народа.

По разсказу Двинской лѣтописи „холмогорскіе прикащики о приходѣ того аглинскаго посла и гостей съ Холмогоръ писали къ царю“ и 25-го ноября они „отпущены по указу къ Москвѣ съ Холмогоръ къ царю и великому князю“. Дѣйствительно, Чанслеръ, узнавъ, что онъ находится въ земляхъ московскаго царя, рѣшилъ ѣхать въ Москву, принявъ на себя роль посла англійскаго короля Эдуарда VI, и такимъ образомъ англичане впервые предстали передъ русскимъ царемъ. Грозный обласкалъ посла, общія англійскимъ купцамъ богатыя милости и ши-

¹⁾ Инструкція эта напечатана въ англійскомъ сборникѣ Hakluyt'a: „Principal Navigations“, содержащемъ много цѣнныхъ памятниковъ англо-русскихъ сношеній. Этотъ сборникъ впервые напечатанъ въ концѣ XVI вѣка; недавно Гаклюитовское общество выпустило новое его изданіе.

рокія торговли привилегіи, если они установятъ правильныя сношенія черезъ Бѣлое море между своей страной и Россіей. Политика Петра имѣла своихъ далекихъ предшественниковъ въ Московскомъ государствѣ, и уже въ XVI вѣкѣ русскіе цари искали сближенія съ Западомъ. Между тѣмъ враждебныя дѣйствія шведовъ и поляковъ дѣлали крайне затруднительными сношенія черезъ Балтику, такъ какъ сосѣди Россіи опасались ея включенія въ кругъ общеевропейскихъ интересовъ и отношеній; и вдругъ англичане самымъ неожиданнымъ образомъ вызвались связать черезъ сѣверъ Россію съ остальной Европой; какъ было дальновидному московскому царю не принять съ восторгомъ такого предложенія?

Многіе иностранные товары были очень нужны Россіи, въ видѣ иностранныхъ мастеровъ царь уже не разъ пробовалъ использовать плѣнныхъ балтовъ и шведовъ. При такихъ условіяхъ англійскіе товары и мастера были весьма желательными, и англійской торговлѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, легко было добиться привилегированнаго положенія.

Для англичанъ же „открытіе Чанслеромъ новой страны“, новаго богатого рынка сбыта, столь близкаго по сравненію съ Индіей и Китаемъ, было чрезвычайно выгодно; это видно уже изъ того, что новое торговое общество, окончательно организовавшееся въ 1555 году и получившее учредительную хартію отъ англійскаго правительства, выдвинуло русскую торговлю на первый планъ, учредило правильныя ежегодныя поѣздки въ Россію и приобрѣло въ англійскихъ памятникѣхъ знаменательное имя „Московской“ или „Русской Компаніи“ (Muscovy Company, Russia Company). Правда, члены его не исполнили еще покинули надежду отыскать „новыя далекія страны“, расположенныя къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ Англии, и отъ времени до времени посылали экспедиціи, побывавшія въ устьѣ Печоры, въ Гренландіи и многихъ другихъ далекихъ сѣверныхъ земляхъ; все же русская, а впоследствии и персидская торговля стали главными источниками обогащенія и „raison d'être“ компаніи.

Но прежде чѣмъ прослѣдить за развитіемъ англо-русскихъ сношеній, кинемъ бѣглый взглядъ назадъ, на участь экипажа тѣхъ двухъ кораблей, которымъ не суждено было съ Чанслеромъ пристать къ устью Двины. Почти всякое смѣлое предпріятіе требуетъ искупительныхъ жертвъ, и, спѣша впередъ за побѣдителями жизни, историкъ не можетъ не остановить хотя бы мимолетнаго благодарнаго взгляда на побѣжденныхъ. Смерть во имя великаго достиженія невольно приковываетъ къ себѣ взоръ.

Затертыя льдами въ Нокуевской губѣ, Виллогби и его товарищи не имѣли возможности пережить долгую полярную зиму. Въ XVI вѣкѣ въ

Англии не отдавали себѣ яснаго отчета въ суровости зимы на далекомъ сѣверѣ; экспедиція не была снабжена ни нужнымъ количествомъ пищи и топлива, ни достаточно теплой одеждой. Дни между тѣмъ становились все короче, и съ 25-го ноября, какъ разъ около того времени, когда Чанслеръ выѣхалъ въ Москву, его несчастные товарищи уже перестали видѣть солнце даже въ полдень. Какъ должны были себя чувствовать люди, очутившіеся въ столь отчаянномъ положеніи, когда послѣдній источникъ свѣта и жизни, солнце, угасъ для нихъ на долгія недѣли,— объ этомъ, конечно, трудно говорить. Постепенно умирали отъ стужи и голода эти смѣлые англійскіе мореплаватели (ихъ было, кажется, 65 человекъ) въ долгую полярную ночь, длившуюся до 29-го декабря. Но повидимому нѣкоторые изъ нихъ были еще живы въ январѣ и видѣли возвращеніе полярнаго солнца. Въ числѣ ихъ былъ и самъ Виллогби; въ этой ужасающей обстановкѣ, окруженный мертвыми и умирающими, онъ находилъ мужество дѣлать метеорологическія наблюденія и писать дневникъ для компаніи, и эти записи его были сохранены для потомства.

На слѣдующую зиму дошла до русскаго царя вѣсть отъ заморскихъ кореловъ, что нашли они на Мурманскомъ морѣ два корабля: „стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ всѣ мертвы и товаровъ на нихъ много“. По приказу Грознаго холмогорскія власти переписали и запечатали всѣ англійскіе товары и вмѣстѣ съ пушками и снастью корабельной отвезли на берегъ. Впослѣдствіи все это имущество, и въ числѣ его и дневникъ Виллогби, было возвращено англичанамъ.

Но оставимъ мертвыхъ и возвратимся къ живымъ. Въ 1555 году Чанслеръ вновь отправился на Москву, съ нимъ поѣхало много англичанъ, въ томъ числѣ нѣсколько выдающихся купцовъ, которымъ общество поручало организовать въ Россіи отдѣльныя торговыя предпріятія. Русскій царь сдержалъ свои обѣщанія и даровалъ англичанамъ привилегію свободной безошпинной торговли въ Московскомъ государствѣ, а вскорѣ затѣмъ подарилъ имъ и домъ въ Москвѣ. Эта привилегія впослѣдствіи неоднократно подтверждалась и расширялась; такъ, въ 1567 году за ними окончательно закрѣпленъ сѣверный путь въ Россію, которымъ никакимъ другимъ иностранцамъ не разрѣшено пользоваться; въ 1569 году они допущены къ торговлѣ во вновь завоеванныя Нарву, Казань и Астрахань, и черезъ послѣднюю имъ разрѣшено ѣздить для торга въ Персію.

Такъ расцвѣтаетъ въ XVI вѣкѣ англійская торговля въ нашемъ отечествѣ, а въ 70-хъ и 80-хъ годахъ его, когда велся черезъ Россію богатый торгъ съ Персіей, компанія выплачивала своимъ членамъ въ Англии крупныя дивиденды. ¹⁾ Но уже къ началу XVII вѣка положеніе ея

¹⁾ Финансовое положеніе англійскихъ компаній, и въ томъ числѣ и „Muscovy Company“, хорошо изучено *W. R. Scott*, „The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720“, Cambridge, 1910—1913, 3 тома.

въ Россіи значительно пошатнулось; торговля въ Московскомъ государствѣ становилась все болѣе открытой, все болѣе доступной для всѣхъ иностранцевъ, и голландцы весьма успѣшно стали вытѣснять англичанъ съ московскихъ рынковъ. Все же, послѣ застоя въ Смутное время, въ царствованіе перваго Романова, англичанамъ возобновлены ихъ прежнія привилегіи, правда, подвергшіяся уже съ царствованія царя Ѳедора значительнымъ сокращеніямъ,—такъ, совершенно запрещена персидская торговля. Но лишь послѣ столѣтія оживленныхъ сношеній, въ 1649 году англичане временно изгнаны изъ Россіи за то, что они „своего короля Карлуса до смерти убили“. Впрочемъ, рядомъ съ этой политической причиной, кажется, не малую роль сыграли и хлопоты русскаго купечества передъ московскимъ правительствомъ объ избавленіи отъ опаснаго и ловкаго конкурента. Уже въ 1639 году въ Вологдѣ происходили враждебныя столкновенія между англичанами и русскими торговыми людьми; съ тѣхъ поръ жалобы московскихъ купцовъ стали раздаваться все громче и громче, и въ 1649 году подана царю „Челобитная стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей о воспрещеніи иностраннымъ купцамъ торговать въ русскихъ городахъ, кромѣ Архангельска“, ¹⁾ въ которой, ссылаясь на то, что „сукна тѣ иноземцы почали на Русь возить худые, тянутые... да иные де локотные и всякіе товары передъ прежними лѣты почали возить худые, а цѣну держать передъ прежними годы большую“, челобитчики просятъ, чтобы „Государь пожаловалъ ихъ, гостей и торговыхъ людей, заморскихъ Нѣмецъ ²⁾ отъ Архангельскаго города и ото Пскова съ товары ихъ къ Москвѣ и въ иные города пропускать, и на Русь имъ торговать, и русскихъ товаровъ на Москвѣ и въ городѣхъ, опрочъ Архангельскаго города и Пскова, покупать не велѣлъ“. Такимъ образомъ, окончилась первенствующая роль англичанъ въ русской виѣшней торговлѣ.

II.

Посмотримъ теперь, какъ успѣли англичане развить свою торговую дѣятельность въ нашемъ отечествѣ за то столѣтіе, когда они пользовались сначала исключительнымъ (при Грозномъ), а затѣмъ все же милостивымъ покровительствомъ русскихъ царей.

Добившись привилегіи Грознаго, пользуясь широкимъ покровительствомъ королевы Елизаветы, англійская компанія проявила въ Россіи

¹⁾ Напечатана въ *Сборникъ Хилкова*.

²⁾ „Нѣмецъ“ въ XVI вѣкѣ значить вообще иностранецъ, а въ давномъ памятникѣ чаще всего англичанинъ.

кипучую дѣятельность. ¹⁾ Изъ Англіи стали вывозиться всевозможные товары, прежде всего сукна, главный предметъ англійскаго вывоза въ XVI вѣкѣ. Въ 1555 году съ Чанслеромъ въ Россію пріѣхалъ суконщикъ Килингвортъ, которому компаніей было поручено организовать торговлю сукнами. Въ запискахъ Чанслера объ этомъ его путешествіи сохранился разсказъ о томъ, какъ Килингвортъ, присутствовавшій на царскомъ обѣдѣ, поразилъ царя своей прекрасной окладистой бородой; царь, потрепавъ ее, указалъ на нее митрополиту, тотъ взялъ ее въ руку, подержалъ нѣкоторое время и сказалъ, что это Божье благо-словенье.

Дѣла Килингворта пошли успѣшно; ввозилось преимущественно самое широкое сукно, а также грубая каразея. Любопытно, что любимымъ цвѣтомъ русскихъ англичане считали не красный, а голубой; такъ, въ 1557 году изъ 518 кусковъ привезенной гемпширской каразеи 400 были голубые, а остальные красные, зеленые, синіе и желтые. Въ описи казны царя Бориса встрѣчаемъ упоминаніе „лундыша“ (лондонскаго сукна) самыхъ различныхъ цвѣтовъ: сизаго, брусничнаго, лимоннаго, вишневаго, крапивнаго, синяго съ искрой и другихъ. Привозились и хлопчатобумажныя матеріи, которыя англичане называли однимъ изъ лучшихъ предметовъ своего вывоза. Это стоитъ отмѣтить, такъ какъ историки-экономисты обыкновенно считаютъ, что хлопчатобумажное производство развилось въ Англіи значительно позднѣе.

Первое время англійскіе купцы вели въ своихъ домахъ розничную продажу матерій, что въ послѣдствіи было имъ запрещено. Такъ, изъ англійскихъ источниковъ узнаемъ, что, когда Грозный наложилъ опалу на Никиту Романовича Юрѣва (дѣда будущаго царя Михаила), послѣдній, жившій на Варваркѣ рядомъ съ англійскимъ домомъ, послалъ немедленно къ англичанамъ за бумажной матеріей для себя и своихъ сыновей, желая этимъ показать, въ сколь бѣдственное положеніе поставила его семью несправедливая опала.

Остальные предметы англійскаго ввоза въ Россію были чрезвычайно разнообразны, такъ какъ компанія торговала не только англійскими, но и другими иностранными товарами. Неоднократно упоминаются: сахаръ, бумага, желѣзо, олово и свинець. Итальянскій купецъ Барберини совѣтовалъ привозить домашнюю птицу, овощи, вина. Неоднократно привозились также англичанами съ большимъ успѣхомъ къ царскому двору всякія заморскія диковины: львы, роскошныя сбруи, позолоченныя алебарды, аптечныя снадобья, органы, клавикорды, всякая посуда, а также жемчугъ, карминъ и соль.

¹⁾ О торговой дѣятельности англичанъ не мало свѣдѣній можно почерпнуть въ нѣсколько устарѣвшей книгѣ Гамеля: „Англичане въ Россіи“, а также И. Любименко: „Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей“, вып. I, 1912.

Но самымъ цѣннымъ предметомъ англійскаго ввоза для русскаго правительства было оружіе и боевые припасы, сѣра, селитра и т. п. Англичане неоднократно снабжали Россію этимъ товаромъ, изъ-за чего имъ приходилось вступать въ серьезныя пререканія съ сосѣдними ей государствами, особенно съ Германіей и Польшей. Королева Елизавета отдѣлывалась передъ императоромъ завѣреніями, что ея подданные не занимаются подобной торговлей, но послѣдняго трудно было убѣдить, даже оффиціальными запрещеніями, издаваемыми для его успокоенія въ Англии. Король польскій Сигизмундъ тоже съ тревогой слѣдилъ за вооруженіемъ своего московскаго сосѣда. Въ 1568 году онъ констатируетъ, что „Москаль чрезвычайно преуспѣлъ въ образованіи и вооруженіи“. Если Польша до сихъ поръ побѣждала его, то лишь потому, что онъ былъ „невѣжественъ въ художествахъ и незнакомъ съ политикой“, но если это плаваніе англичанъ въ Россію продолжится, то что останется ему неизвѣстнымъ!

Тѣмъ не менѣе англичане продолжали помогать Россіи вооружаться; значительно позже, въ 1634 году, царь Михаилъ писалъ въ Англію королю Карлу I, что желаетъ закупить въ его землѣ 5000 шпагъ. ¹⁾ Въ числѣ иностранныхъ наемниковъ-солдатъ большую роль въ Россіи въ XVII вѣкѣ играли англичане, и особенно шотландцы. Нѣкоторые изъ нихъ занимали въ русской арміи выдающееся положеніе; такъ, напримѣръ, полковникъ Лесли, принявшій даже православіе и награжденный царемъ за свою службу богатымъ помѣстьемъ. ²⁾

Что касается англійскаго вывоза изъ Россіи, то приходится констатировать, что англичане сумѣли широко использовать богатство страны сырьемъ. Ежегодно на англійскихъ корабляхъ увозились большіе транспорты сала, пеньки, воска, масла, ворвани, мѣховъ, льна и другого сырья. Но помимо этого англичане вскорѣ нашли болѣе выгоднымъ, пользуясь дешевой русской жизнью и покровительствомъ царя, выдѣлывать на мѣстѣ изъ русской пеньки канаты, выписавъ для этой цѣли изъ Англии рабочихъ, которые быстро достигли въ этомъ дѣлѣ большого совершенства. Такимъ образомъ русскіе канаты славились на Западѣ въ XVI и XVII вѣкахъ; ими былъ оснащенъ англійскій флотъ, разбившій испанскую „Непобѣдимую Армаду“, и компанія считала одной изъ причинъ этой громкой побѣды прекрасное оснащеніе, вывезенное ею изъ Россіи, откуда доставлялся и строевой тѣсъ для мачтъ. Канатные дворы были заведены въ Холмогорахъ и Вологдѣ, и по настоянію русскаго царя англичане обучали своему искусству и русскихъ „охочихъ людей“, по-

¹⁾ Письмо царя, какъ и многія другія, хранится въ Лондонскомъ архивѣ *Public Record Office*.

²⁾ Очень много любопытныхъ документовъ объ этомъ шотландскомъ полковникѣ хранится въ Петроградской Академіи Наукъ, въ бумагахъ академика Гамеля.

ражавшихъ ихъ своею быстрой смѣткой. Въ сѣверныхъ моряхъ англичане занимались рыбнымъ и китовымъ промыслами. Въ 1567 г. имъ было дано разрѣшеніе искать желѣзо на Вычегдѣ и построить тамъ заводъ.

Состоявшій на службѣ у компаніи знаменитый англійскій мореплаватель Дженкинсонъ исходатайствовалъ у царя еще въ 1558 году разрѣшеніе вести черезъ Россію торгъ съ Персіей и, преодолевъ всѣ опасности и лишенія, добрался черезъ Каспійское море и Туркменскія степи до Бухары, гдѣ выхлопоталъ отъ шаха торговую привилегію для компаніи. Съ этого времени англичане стали вести правильный торгъ черезъ Россію съ Персіей, получая оттуда шелка и другіе цѣнные восточные товары.

Нельзя не дивиться энергіи, проявленной ими на новомъ завоеванномъ поприщѣ. Слѣдуетъ помнить, что путь изъ Англій въ Россію черезъ Архангельскъ на парусныхъ судахъ былъ длиненъ, ненадеженъ и полонъ опасностей. Не разъ смѣлые мореплаватели терпѣли крушеніе на своемъ пути, теряя людей и товары; первый англійскій посоль въ Россію, Чанслеръ, погибъ въ 1556 году на обратномъ пути. По увѣреніямъ агента Лена, лишь черезъ семь лѣтъ послѣ перваго плаванія корабля компаніи первый разъ вернулись вполне благополучно обратно. На проѣздъ отъ Лондона до Москвы англичанамъ часто приходилось терять столько мѣсяцевъ, сколько мы теперь употребляемъ дней. Русскія дороги въ XVI вѣкѣ были въ ужасномъ состояніи и проходили по пустыннымъ мѣстностямъ, гдѣ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ нельзя было найти ни крова, ни провизіи, а ѣздить приходилось преимущественно зимой, такъ какъ лѣтомъ грязь и болота создавали неодолимыя препятствія. Каково было не привыкшимъ къ суровому климату англичанамъ проводить вологодскую зимнюю ночь въ открытыхъ саяхъ, это легко можно себѣ представить.

Что касается отношенія населенія къ новымъ піонерамъ, то повидимому оно не было особенно враждебно,—по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчаемъ серьезныхъ жалобъ англичанъ на обиды отъ русскихъ и даже имѣемъ свѣдѣнія, что у нихъ покупали часто охотнѣе, чѣмъ у русскихъ купцовъ. Это и не удивительно, такъ какъ „гости“ были нетерпимы мелкими торговцами и народомъ. Но ловкіе московскіе купцы хитрялись въ цѣляхъ болѣе успѣшной торговли сами прикидываться иностранцами. Высшее купечество естественно отнеслось къ опаснымъ конкурентамъ крайне враждебно. Англичанъ поражало на Москвѣ обиліе лавокъ и особенно то, что для каждаго рода товаровъ существовали особые ряды. Даже монашество и духовенство въ Россіи увлекается торговлей,—пишетъ англійскій посоль, Джонъ Меррикъ; монахи торгуютъ зерномъ, лошадьми и изо всего стараются извлечь пользу. Мы знаемъ, что монастырскіе склады въ Вологдѣ занимали 60 саж. въ длину и 8 въ ширину.

Царь тоже былъ однимъ изъ главныхъ торговцевъ. Въ XVII вѣкѣ англійскій секретарь Коксъ сообщалъ королю Карлу, что царь и патриархъ (Филаретъ) держатъ въ своихъ рукахъ главную русскую торговлю. Многіе товары считались въ Россіи заповѣдными, такъ какъ ими торговалъ лишь царь. Кильбургеръ въ XVII вѣкѣ указываетъ, что торговля могла бы процвѣтать у русскихъ, но либо Богъ не открылъ имъ превосходства ихъ земли, либо они сами не хотятъ его видѣть. Онъ же говоритъ о томъ, что русскіе отъ природы склонны къ обманамъ, и даже опытные иностранные купцы часто оказываются у нихъ въ дуракахъ. На ихъ „великое лукавство“ и крайнюю недовѣрчивость неоднократно жаловались англичане, и въ привилегіяхъ Грознаго находимъ ясно выраженное стремленіе оградить послѣднихъ отъ обмановъ со стороны его подданныхъ. Иностранцевъ особенно сбывало несообразное запрашиваніе при установкѣ цѣнъ, которыя вообще въ Россіи были подвержены крайнимъ колебаніямъ. Если русскій купецъ начинаетъ клясться и божиться, то, навѣрное, хочетъ обмануть, предупреждаетъ Герберштейнъ.

Что касается дворянства и боярства, то оно, охотно покупая при случаѣ англійскіе товары, особенно въ долгъ, относилось въ общемъ къ иностранцамъ недоброжелательно и завидовало ихъ привилегированному положенію при дворѣ. Въ этой средѣ были у англичанъ и особые недоброжелатели, какъ, напримѣръ, братья Щелкаловы, по увѣреніямъ англичанъ подкупленные голландцами. Въ день смерти Грознаго дьякъ Андрей Щелкаловъ съ злораднымъ торжествомъ сообщилъ англійскому послу Боусу: „Умеръ твой англійскій царь!“

Безусловно главнымъ покровителемъ англичанъ былъ самъ Грозный, а впоследствии, хотя и въ меньшей степени, и другіе русскіе цари покровительствовали имъ. Царь Иванъ Васильевичъ мирволилъ иностранцамъ и восхвалялъ англичанъ за ихъ смѣлость и лояльность къ своей королевѣ. Но тѣмъ не менѣе его полптика причиняла имъ не мало хлопотъ; мы увидимъ далѣе, что онъ велъ, помимо торговыхъ, и дипломатическія сношенія съ Англіей и каждую свою дипломатическую неудачу, а ихъ было не мало, вымещалъ на англійскихъ купцахъ: конфисковалъ ихъ товары, налагалъ несправедливыя подати и штрафы, даже сажалъ въ тюрьму и не разъ грозилъ совсѣмъ выгнать изъ Россіи.

Религіозныхъ гоненій англичане въ нашемъ отечествѣ не терпѣли; русскіе вообще отличались вѣротерпимостью, а протестанты къ тому же пользовались большимъ довѣріемъ, чѣмъ латиняне, и даже имѣли свою церковь на Москвѣ. Все же это не мѣшало относиться къ неправославнымъ съ пренебреженіемъ, „какъ къ собакамъ или змѣямъ“, жаловались иностранцы, не подавать имъ руки, чтобы избѣжать ихъ прикосновенія, подчасъ не водить съ ними дѣлъ. На торжественныхъ приемахъ пословъ въ XVI вѣкѣ около царя ставился рукомоиникъ и вѣша-

лось полотенце; по окончаніи церемоніи цѣлованія царской руки тутъ же при послахъ она обмывалась, какъ опоганенная басурманскимъ прикосновеніемъ, даже когда послы были не магометанами, а католиками или протестантами.

Во время одного своего путешествія на сѣверѣ англичане зашли въ русскую монастырскую церковь; тамъ они увидѣли картину страшнаго суда, на которой всѣ праведники были изображены въ русскомъ платьѣ, а грѣшники въ заморскомъ. Самое появленіе ихъ въ церкви вызвало бурю негодованія среди русскихъ и могло бы окончиться очень печально, если бы одинъ изъ нихъ не догадался показать свой натѣльный крестъ, чѣмъ нѣсколько успокоилъ православныхъ.

Естественно, что трудности жизни въ Россіи, а также далеко разнесшаяся слава о грозномъ царѣ запугивали многихъ, и обществу не легко было подбирать служащихъ для посылки въ Московское государство. Поэтому немудрено, что въ числѣ многихъ десятковъ англичанъ, ежегодно орудовавшихъ въ Россіи, рядомъ съ такими выдающимися лицами, какъ Чанслеръ, Дженкинсонъ, Рандольфъ, Флетчеръ и многіе другіе, попадались и предпримчивые авантюристы сомнительной репутаціи. Отдаленность Россіи мѣшала строгому контролю надъ ними компаніи и позволяла имъ безнаказанно мошенничать, интриговать притивъ общества при русскомъ дворѣ и богатѣть за счетъ легализованныхъ купцовъ. Русское же правительство, не будучи въ состояніи разбираться во внутреннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ англичанъ, дѣлало отвѣтственнымъ за продѣлку каждаго отдѣльнаго лица всю компанію, даже, когда это лицо вовсе не состояло на службѣ у послѣдней, а являлось зайцемъ—„interloper“, по терминологіи англичанъ. Русское правительство даже замѣтно покровительствовало такимъ торговымъ зайцамъ, такъ какъ они сбивали цѣны, были сговорчивѣе и торговали всякой контрабандой.

Губернаторы компаніи неоднократно жаловались на „деморализующее вліяніе почвы Россіи“. Слуги ихъ стали лѣниться и рядиться въ шелкъ и бархатъ; соблазняясь легкой и свободной жизнью, они строятъ себѣ дома, заводятъ лошадей и собакъ, между тѣмъ какъ хозяева ихъ въ Англіи живутъ скромно и ходятъ пѣшкомъ.¹⁾ Безусловно масштабы жизни въ Англіи и въ Россіи были разные. Въ Московскомъ государствѣ, при отсутствіи всякихъ культурныхъ удобствъ, жилось сытнѣе, богаче и лѣнивѣе, и среди англичанъ были элементы, на которые такая перемѣна дѣйствовала развращающе. Но все же это было лишь мень-

¹⁾ Много документовъ, характеризующихъ бытъ компаніи, хранится въ архивѣ *Public Record Office*, въ фондѣ *State Papers Russia*, а также въ архивѣ *British Museum*, въ фондахъ *Nero*, *Lansdowne* и другихъ.

шинство, а энергія, проявленная остальными, была далеко не зауряднаго характера. Въ короткое время, при многихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, Англія завоевала себѣ новые богатые рынки; англійскіе дома вырастаютъ въ Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Новгородѣ, Нарвѣ, Казани и многихъ другихъ крупныхъ центрахъ. На Ягорномъ островѣ въ устьѣ Двины, названномъ англичанами „островомъ розъ“ (Rose Island), потому что весной онъ весь покрывался краснымъ шиповникомъ, недалеко отъ сосноваго и березоваго лѣса, близъ ручья прекрасной питьевой воды, англичане устроили домъ для пріѣзжихъ и склады для товаровъ. Въ Москвѣ они обжились настолько, что привозили съ собою женъ и дѣтей, жившихъ въ англійскомъ домѣ на Варваркѣ, близъ церкви Максима Исповѣдника, вѣроятно служившей складомъ для наиболѣе цѣнныхъ товаровъ, такъ какъ эту роль въ XVI вѣкѣ очень часто исполняли русскія церкви. Но кромѣ того они забирались и на далекій сѣверъ, ѣздили на ярмарку въ Лампожню, строили себѣ домъ въ Борисовѣ, гдѣ держали сѣверныхъ оленей, зимовали на лапландскомъ берегу, занимаясь тамъ скупкой масла.

Какіе барыши извлекали англичане изъ своей торговли съ Россіей? Объ этомъ существуютъ очень разнорѣчивыя мнѣнія. Русскіе историки-славянофилы полагали, что они безсовѣстной эксплуатаціей наживали себѣ огромныя состоянія. Съ другой стороны, сами англичане жестоко жаловались на свои убытки и неудачи, на разоряющіе ихъ несправедливые поборы царей, обманы и поддѣлки русскихъ торговцевъ, оправдывавшихся поговоркой: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“; эту пословицу даже затвердили англичане.

Въ 1591 году англійскіе купцы писали Годунову: „Долгое держаніе нашей торговли и прихоженіе въ великое царское Государство въ русскую землю намъ, Ея Королевина Величества торговымъ людямъ, добрѣ убыточно и харчливо, и страшно и безприбыточно, чего всѣ торговые люди обходятъ“. 1) Агентъ Черри въ концѣ XVI вѣка, умоляя королеву Елизавету не задерживать уплаты за канаты и воскъ, ссылался на безвыходное финансовое положеніе компаніи.

Но какъ не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять этимъ сѣтованіямъ, ибо во всѣ времена во всѣхъ странахъ купцы жалуются на свои дѣла и тѣмъ не менѣе богатѣютъ, такъ нѣтъ и основанія раздѣлять мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ историковъ 2) о сказочныхъ богатствахъ, нажитыхъ англичанами въ Россіи. Въ первые годы англійскіе товары продавались дѣйствительно съ большими барышами, за двойныя и тройныя цѣны, но это было лишь короткое время; и притомъ не слѣдуетъ за-

1) И. Любименко: „Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей“, вып. I. Приложение № 13.

2) Напр., Костомарова въ его „Очеркъ исторіи русской торговли“.

бывать первыхъ крупныхъ затратъ компаніи по снаряженію кораблей, ея потерь при кораблекрушеніяхъ, расходовъ по устройству своихъ агенто́въ въ новыхъ условіяхъ и т. п. Правда, въ 60—80-хъ годахъ дѣла ея шли блестяще, и недаромъ въ 1574 году графъ Лейчестерскій писалъ графу Шрюсбери, что, если-бъ у него было 10,000 ливровъ, онъ охотно истратилъ бы ихъ въ дѣлахъ Московской Компаніи до послѣдняго пенса. Но главные доходы этого времени падали не на русскую, а на персидскую торговлю, на которую компанія возлагала огромныя надежды, видя въ ней какъ бы осуществленіе своихъ смѣлыхъ плановъ добраться до богатыхъ товаровъ востока; поэтому запрещеніе персидской торговли русскимъ правительствомъ въ концѣ XVI вѣка было для общества тяжелымъ ударомъ. Въ англійскихъ архивахъ сохранились бумаги, знакомящія насъ съ нѣкоторыми цифрами дивидендо́въ общества, и изъ нихъ мы знаемъ, что послѣднее персидское путешествіе 1578—1581 годовъ дало складчикамъ 106% дохода. Но уже въ 1585 году обнаруживается въ дѣлахъ убытокъ въ 30%, и дальнѣйшія цифры барышей весьма скромныя. Въ 1602 году торговля настолько упала, что англичане посылаютъ въ Россію лишь два корабля; въ 1605 году долги компаніи выражаются въ цифрѣ 6093 ливра.

Въ XVII вѣкѣ англійскіе купцы продолжаютъ, съ одной стороны, горько жаловаться на свои убытки, съ другой—цѣпко держаться за торговлю съ Россіей. Для повышенія ея доходности они изобрѣтаютъ всякіе новые проекты, стремятся расширить рамки компаніи, привлечь новые капиталы, облегчить доступъ новымъ лицамъ и предоставить каждому отдѣльному члену бѣльшую свободу дѣйствія. Но на этомъ пути они встрѣчаютъ неожиданное противодѣйствіе московскаго правительства, которое стремится теперь, наоборотъ, по возможности ограничить число англичанъ въ Россіи и запрещаетъ имъ торговать многими товарами. Нельзя не признать, что въ этихъ своихъ дѣйствіяхъ оно проявляетъ большую дальновидность. Приманивъ на свои рынки широкими привилегіями англичанъ въ то время, когда ихъ энергія была ему крайне нужна для установленія правильныхъ сношеній съ Западомъ, давъ имъ прорубить для себя на сѣверѣ то окно въ Европу, которое лишь полтора столѣтія спустя удалось преобразователю Россіи прорубить на Балтійскомъ побережьи, оно затѣмъ использовало это окно для широкихъ сношеній съ другими иностранцами, постепенно отѣснившими отъ него англичанъ-пионеровъ; и русскіе историки-славянофилы, разсыпавшіеся въ жалобахъ на эксплуатацію англичанами Россіи, въ своемъ патріотическомъ негодованіи, какъ это часто бываетъ, оказались плохими патріотами, ибо несправедливо не дооцѣнивали политической дальновидности московскихъ царей, которой, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами, нельзя не отдать дань уваженія.

III.

Помимо торговых сношеній, между Англїей и Россїей въ XVI вѣкѣ завязываются и сношенія дипломатическія, но на этомъ пути московское правительство проявляетъ меньше дальновидности. Королева Елизавета съ 1561 года вступила въ правильную переписку съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Изъ Англїи посылались частыя посольства въ Россію, а изрѣдка появлялись при англїйскомъ дворѣ и русскіе послы; первый изъ нихъ, Осипъ Григорьевичъ Непея, прїѣхалъ въ 1556 году, потерпѣвъ по дорогѣ кораблекрушеніе, при которомъ погибъ Чанслеръ, заботившійся лишь о спасеніи русскаго посла. Послѣдній былъ принятъ въ Англїи съ большою пышностью. Англїйскій историкъ *Camden* говоритъ, что нпкогда еще Англїя не встрѣчала иностраннаго посла съ такимъ почетомъ.

Переписка между обоими дворами чрезвычайно любопытна. Отдѣльныя письма печатались въ разныхъ научныхъ русскіхъ изданїяхъ,¹⁾ но многія до сихъ поръ еще остаются неизданными и хранятся въ старинныхъ копіяхъ, а подчасъ и въ роскошныхъ оригиналахъ, въ архивахъ Лондона, Оксфорда и Москвы. Одна королева Елизавета обмѣнялась съ тремя русскими царями болѣе чѣмъ 90 письмами, но самой интересной по содержанію является безусловно ея переписка съ Грознымъ. Отражая обѣ выдающіяся личности царственныхъ корреспондентовъ, различіе ихъ характеровъ и міропониманій, она не только касается всякихъ торговыхъ недоразумѣній, но и затрагиваетъ серьезные политическіе вопросы. Властной кипучей натурѣ Грознаго царя англїйская королева противопоставляетъ хладнокровіе, осторожность и тонкій дипломатическій тактъ. Его безудержные порывы къ сближенію, какъ и неустовыя вспышки гнѣва, разбиваются о скользкую ледяную стѣну англїйской дипломатїи.

Если Англїя, искавшая въ Россїи лишь новыхъ рынковъ, получила неожиданно для себя широкія привилегїи отъ русскаго царя, то причина этого заключалась не только въ стремленїи использовать англичанъ для оживленныхъ торговыхъ сношеній, но и въ расчетѣ заключить съ могучей западной державой наступательный и оборонительный союзъ. Уже въ 1567 году царь дѣлаетъ первыя попытки въ этомъ направленїи, а въ 1569 году посылается въ Англїю съ выработаннымъ проектомъ союза посольство Совинъ. Въ то же время царь обращается съ курьезнымъ предложенїемъ о томъ, чтобы оба монарха гарантировали другъ другу въ

¹⁾ Изъ нихъ самыя важныя *Юр. Толстой*, „Россїя и Англїя“ и „Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. 36. См. также *I. Lubimenko*: „Trois lettres Inédites d'Elisabeth“, *Melanges Bémont*, 1913 и *I. Lubimenko*: „The Correspondence of Queen Elisabeth with the Russian Czars“, „*Americ. Hist. Rev.*“, 1913, April.

своихъ земляхъ почетный пріемъ и безопасный пріютъ на случай, если бы они были вынуждены покинуть свои государства. Приходится констатировать, что безпокойный подозрительный царь серьезно опасался измѣны своихъ бояръ и считался съ возможной необходимостью бѣжать въ Англію, но изъ самолюбія хотѣлъ заставить и Елизавету просить у него о той же услугѣ.

Можно было заранѣе предвидѣть, что союзъ не состоится; направленный противъ Польши и Швеціи, онъ былъ непріемлемъ для Англіи, интересы которой требовали тѣсной дружбы съ этими двумя государствами. Вражда Россіи съ Турціей также была ей неудобна, такъ какъ послѣдняя являлась въ XVI вѣкѣ цѣннымъ рынкомъ для англійскихъ товаровъ. Несмотря на это, нерѣшительная Елизавета, опасаясь за интересы своихъ купцовъ въ Россіи, не хотѣла дать прямого отрицательнаго отвѣта на предложеніе царя, а начала всегда удававшуюся ей въ совершенствѣ политику оттяжекъ, полуобѣщаній и недомолвокъ. Въ концѣ концовъ Совинъ былъ отпущенъ съ указаніемъ на необходимыя существенныя измѣненія въ проектѣ и съ тайнымъ письмомъ, въ которомъ королева выражала полное согласіе принять съ честью у себя царя. Обращаться къ нему съ подобной же просьбой она не считала возможнымъ. Впослѣдствіи она объяснила, что это было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ для ея подданныхъ и могло бы дискредитировать ее въ ихъ глазахъ и создать для нея дѣйствительную опасность.

Взбѣшенный царь 24 октября 1570 года разразился браннымъ письмомъ по адресу королевы: ¹⁾

„И мы чаяли,—писалъ онъ,—что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государевой чести смотришь и своему государству прибытка“... „Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ о государскихъ головахъ и о честяхъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ торговыхъ прибытковъ, а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая дѣвица“.

„Торговыми мужиками“ окрещены здѣсь царемъ члены Тайнаго Совѣта королевы, изъ которыхъ многіе были также и членами Московской Компаніи; по настоянію Грознаго они должны были скрѣпить своими подписями союзный договоръ между обѣими державами. Одновременно царь обрушился всѣмъ своимъ гнѣвомъ на англійскихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ привилегіи, конфисковалъ ихъ товары и грозилъ совсѣмъ выгнать изъ Россіи.

Королева отвѣчала царю съ большой сдержанностью, но и съ большимъ достоинствомъ, письмомъ отъ 2 іюня 1571 года: ²⁾

¹⁾ См. у Толстого, № 28.

²⁾ Ю. Толстой, № 31.

„Нашъ посланникъ (Дженкинсонъ) правдиво разскажетъ Вашему Пресвѣтлѣйшему, что никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и дѣлами, но что мы сами печемся о веденіи дѣлъ, какъ причлещуетъ дѣвъ и королевнѣ, поставленной преблагнмъ и превисочайшимъ Богомъ, и что никакому государю не оказывается болѣе повинности его подданными, чѣмъ намъ нашими народами!“

Гнѣвъ царя понемногу остылъ, купцамъ были возвращены ихъ привилегіи, о союзѣ временно прекращены всякіе разговоры, но не надолго. Въ 1574 году царь возвращается къ своимъ политическимъ планамъ, а въ 1575 году англійскому посланнику Сильвестру снова приходится выслушивать его сѣтованія на недоброжелательство къ нему королевы. Царь грозитъ передать русскую торговлю въ руки нѣмцевъ и венеціанцевъ, такъ какъ собирается заключить союзъ съ императоромъ Максимилианомъ. Угроза оказываетъ свое дѣйствіе: королева спѣшно отсылаетъ въ Россію Сильвестра съ новыми инструкціями. Но судьба какъ бы насмѣхается надъ планами царя; Сильвестръ, прибывшій въ Холмогоры, убитъ молніей въ то время, когда онъ примѣрялъ платье изъ желтаго атласа, въ которомъ разсчитывалъ предстать передъ царемъ; всѣ его бумаги сожжены. Царь былъ пораженъ; „такова Божья воля!“ — воскликнулъ онъ, и прервалъ переговоры.

Только въ 1580 году возобновились сношенія и переписка между дворами, а въ 1582 году вновь выплываетъ проектъ о союзѣ; но для того, чтобы прочіе связать себя съ Англійей, престарѣлый царь, недавно вступившій въ шестой бракъ, рѣшилъ тѣмъ не менѣе сватать какую-нибудь близкую родственницу королевы. Въ его лихорадочномъ больномъ мозгу мысль о сближеніи съ Англійей во что бы то ни стало все болѣе принимаетъ характеръ назойливой *idée fixe*; онъ серьезно готовится къ возможной поѣздкѣ въ Англію, а предварительно отправляетъ туда посла, Федора Писемскаго, которому даются подробнѣйшія инструкціи о заключеніи союза и сватовствѣ за царя племянницы королевы, Маріи Гастингсъ. ¹⁾

Можно себѣ представить, какое безпокойство, какую тревогу должны были возбудить при англійскомъ дворѣ извѣстія о всѣхъ этихъ проектахъ царя. Королева искренно желала сохранить добрыя отношенія со своимъ „любительнымъ братомъ“, но мысль о возможности поселить его въ роли изгнанника у себя въ Англійи, разумѣется, никогда не могла ей улыбаться. Вполнѣ достаточно хлопотъ доставляла ей уже шотландская изгнанница, Марія Стюартъ. И отчего было московскому царю не сидѣть спокойно на своемъ государствѣ, покровительствуя англійскимъ

¹⁾ Бумаги, касающіяся этого посольства, напечатаны въ 36 т. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.

купцамъ? И гдѣ было ей найти знатную англичанку, родители которой согласились бы отправить свою дочь въ далекую Россію въ объятія московскаго сладострастника-тирана? Безусловно дочь несчастной Анны Болейнъ не могла слишкомъ громко проповѣдывать царю о святости законнаго брака, и тѣмъ неудобнѣе было ея положеніе въ данномъ случаѣ. Но Писемскій пріѣхалъ, и приходилось такъ или иначе выпутываться изъ тяжелаго положенія. Оскорблять царя рѣшительнымъ отказомъ было неудобно и нежелательно; среди вліятельнаго англійскаго купечества раздавались громкіе голоса въ защиту англо-русскаго союза.

Переговоры съ Писемскимъ тянулись цѣлую зиму. Когда онъ занулся о невѣстѣ, ему сообщили, что она больна оспой, вообще безобразна и не можетъ понравиться царю. Но русскіе послы всегда отличались упорствомъ. Въ маѣ Писемскій добился—таки того, что ему показали невѣсту, и высказалъ свое самостоятельное мнѣніе о томъ, что она „рожіемъ красива“, прося „написать съ нея персону“, т. е. портретъ, чтобы передать его царю.

Въ такомъ критическомъ положеніи англійское правительство, напрягая всю свою дипломатическую изворотливость, нашло слѣдующій выходъ: Писемскій отсылался въ Россію безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта, съ самыми незначительными письмами, но вмѣстѣ съ нимъ отправлялся англійскій посолъ Боусъ (Jegom Bowes), на котораго, по обѣщанію королевы, возложена забота о приведеніи къ счастливому окончанію переговоровъ о союзѣ и бракѣ. Чрезвычайно характерна, какъ намъ кажется, личность избраннаго посла. Неоднократно высказывалось мнѣніе, что выборъ этотъ былъ крайне неудаченъ, такъ какъ Боусъ былъ характера дерзкаго и падменнаго, велъ себя вызывающе даже съ самимъ царемъ, не стѣснялся давать пустыя и лживыя обѣщанія, отъ которыхъ легко отпирался внослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что Англія, всегда очень тщательно выбиравшая выдающихся пословъ для Россіи, не случайно послала именно Боуса. Несмотря на всѣ свои недостатки, а скорѣе именно благодаря имъ, онъ весьма подходилъ къ той нелегкой роли, которую ему предстояло играть при русскомъ дворѣ. Изъ данныхъ ему инструкцій совершенно ясно, что онъ долженъ былъ добиваться новой привилегіи для купцовъ, не заключая никакихъ связывающихъ Англію политическихъ договоровъ; приходилось въ сущности мочить стараго царя, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидавшаго рѣшительныхъ отвѣтовъ на свои проекты союза и брака. Въ этихъ условіяхъ послу необходимо было обладать достаточной долей мужества, хитрости и нахальства, а именно эти качества были основными въ характерѣ Боуса.

Про него рассказываютъ, что, разозлившись на нелюбезную встрѣчу боярѣ, онъ не постѣснялся войти къ царю, не снявъ шляпы, и когда

тотъ грозно спросилъ его, извѣстно ли ему, какъ поплатился за такую дерзость французскій посоль, которому шляпа была прибита гвоздями къ головѣ, Боусъ вызывающе отвѣтилъ, что онъ не малодушный посланникъ слабаго французскаго короля, а храбрый посоль могущественнѣйшей англійской королевы. Говорять, что смѣлость его понравилась Грозному. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что Боусъ сумѣлъ добиться своего; тѣша царя однимъ несбыточными обѣщаніями, онъ уже выговорилъ для англійскихъ купцовъ новыя милости, какъ вдругъ внезапно царь умеръ.

Его приближенные совершенно не были солидарны съ нимъ, и это сразу сказалось послѣ его смерти. Отношеніе къ послу круто измѣнилось; своими дерзкими выходками онъ успѣлъ возстановить противъ себя многихъ, теперь предстояла расплата. Говорять, что былъ поднятъ вопросъ о его казни, но отъ нея, кажется, спасло его заступничество Годунова. Послѣ многихъ униженій и опасностей ему удалось добраться до морского берега; но письма и подарки, данныя ему для королевы, были крайне незначительны. Оскорбленный посоль, горя желаніемъ какой-нибудь мести, бросилъ ихъ на берегу и затѣмъ вышелъ на корабль въ море. Поступокъ этотъ былъ дерзкій и крайне оскорбительный для царя Федора; тѣмъ не менѣе онъ не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій. При новомъ царѣ переписка съ Елизаветой продолжалась, и королева, которой, вѣроятно, было донесено о положеніи дѣлъ въ Россіи, сочла за лучшее рядомъ съ письмами къ слабому царю писать отдѣльно и къ его энергичному шурина Борису, котораго англичане именovali „Lord Protector“.

Переписка этого времени носить преимущественно торговый характеръ; всякіе политическіе проекты были оставлены. Лишь по смерти Федора, въ царствованіе Бориса, появляются снова попытки политическаго сближенія между обоими государствами.

Новый царь, стремясь породниться съ иностранными дворами, искалъ для своихъ дѣтей заграничныхъ партій; взоры его естественно обратились и на Англію. Съ другой стороны, англійскіе купцы весьма опасались, что бракъ Ксеніи съ датскимъ королевичемъ создастъ имъ на русскихъ рынкахъ опасныхъ конкурентовъ, и потому энергично настаивалъ передъ королевой, чтобы она проявила возможно больше готовности идти навстрѣчу желаніямъ царя. Но Елизавета и тутъ дѣйствовала крайне осторожно, намѣренно предлагая партіи, оказывавшіяся при ближайшемъ разсмотрѣніи неприемлемыми. Смерть королевы, а затѣмъ и царя Бориса, положила скорый конецъ этимъ переговорамъ.

Наступаетъ въ Россіи смутное время; на престолѣ московскомъ одинъ за другимъ быстро смѣняются Федоръ, Годуновъ, Дмитрій, Василій Шуйскій. Англійскіе купцы еле успѣваютъ среди непрочныхъ при-

дворныхъ теченій и интригъ охранять свои привилегіи. Когда на Москвѣ народъ избиваетъ поляковъ, а на-ряду съ нимъ и прочихъ иностранцевъ, происходитъ и нападеніе на англійскій домъ и гибнуть нѣкоторые изъ членовъ компаніи. Но изъ того, что волны донельзя разбушевавшейся народной стихіи докатываются и до англійскаго дома, отнюдь не слѣдуетъ заключать, что обитатели его вызывали къ себѣ особую вражду въ русскомъ народѣ. Заправилой этого дѣла было, кажется, купечество, имѣвшее свои счеты съ англичанами-конкурентами. Мы знаемъ также, что въ болѣе мирныя времена англичане не разъ укрывали у себя другихъ иностранцевъ, которыхъ у нихъ не рѣшались трогать. На сѣверѣ, гдѣ они были особенно многочисленны, къ нимъ повидимому относились вполне доброжелательно. Вмѣстѣ съ остальными жителями сѣвернаго края они остаются до конца лояльными царю Василюю.

Со сведеніемъ Шуйскаго съ престола исчезаетъ на Руси послѣдняя законная власть. Начинается самый тяжелый періодъ смуты. Все яснѣе и яснѣе обозначаются иностранныя симпатіи въ высшихъ московскихъ кругахъ. Нѣсколько разъ русскіе бояре выносятъ рѣшеніе избрать на русскій престолъ только иностранца. Имя польскаго королевича Владислава собираетъ на Москвѣ большую партію приверженцевъ; но, что болѣе знаменательно, среди русскаго боярства находится значительная партія, готовая подчинить Россію самому польскому королю Сигизмунду. Съ другой стороны, и кандидатура шведскаго королевича, какъ видно изъ послѣднихъ работъ специалистовъ, имѣла своихъ сторонниковъ не только въ Новгородѣ, но также и на Москвѣ; среди нихъ были такія выдающіяся лица, какъ Ляпуновъ и Бутурлинъ; даже Пожарскій одно время склонился къ избранію Карла Филиппа.

Такое положеніе дѣлъ въ Россіи крайне беспокоило англійскихъ купцовъ. Поляки открыто покровительствовали голландцамъ, шведы были опасными конкурентами англичанъ на сѣверныхъ рынкахъ. Привилегіи, удержанныя англичанами съ такимъ трудомъ въ первый періодъ Смутаго времени, находились сейчасъ въ крайней опасности. Встревоженные члены компаніи, повидимому, ломали себѣ голову, какъ выйти изъ критическаго положенія. На почвѣ этой тревоги за самое существованіе англійской торговли въ Россіи вырастаетъ курьезнѣйшій проектъ политическаго захвата англичанами русскихъ земель. Шведскіе виды на Новгородъ и на Москву, повидимому, вдохновили одного англійскаго полковника, Чемберлена, служившаго въ Россіи въ шведской арміи Делагарди; его идея съ восторгомъ подхвачена агентами англійской компаніи, и въ результатъ въ 1612 году создается смѣлый проектъ подчиненія сѣверной Россіи и Поволжья, а впоследствии, вѣроятно, и всего Московскаго государства, суверенитету или протекторату англійской ко-

роны. Два списка этого проекта до сихъ поръ хранятся въ различныхъ лондонскихъ архивахъ. Тамъ же сохранился оригиналь замѣтокъ одного изъ видныхъ юристовъ при дворѣ короля Іакова I касательно этого проекта и другая замѣтка, сообщающая, что англійскій король, получивъ отъ части русскаго дворянства предложеніе отдаться подъ его протекторатъ, увлеченъ планомъ послать армию въ Россію, чтобы управлять ею черезъ депутата, и горячо вѣрится въ свой успѣхъ. ¹⁾

У насъ нѣтъ здѣсь времени останавливаться подробно на этихъ любопытныхъ памятникахъ; все, что мы можемъ сказать, сводится вкратцѣ къ тому, что проектъ этотъ детально разсматриваетъ всѣ коммерческія выгоды, которыя Англія можетъ получить отъ его осуществленія, причемъ купечество берется организовать его финансовую сторону. ²⁾

Самымъ любопытнымъ, быть можетъ, является тотъ фактъ, что всѣ эти документы упорно утверждаютъ, будто въ Россіи часть знати, „possibility“, общала англичанамъ поддержку. Какъ ни странно кажется на первый взглядъ такое утвержденіе, мы думаемъ, что, въ виду ясно проявленнаго въ эту эпоху сепаратизма въ средѣ русскаго боярства и дворянства и его иностранныхъ симпатій, его нельзя категорически отрицать. Врядъ ли такое осторожное лицо, какъ агентъ Джонъ Меррикъ, представлявшій проектъ королю Іакову I, рѣшился бы дѣйствовать, не будучи въ состояніи рассчитывать на нѣкоторую поддержку въ Россіи. Намъ извѣстно, что весной 1613 года отъ англійскаго короля посланы въ Московское государство Меррикъ и Руссель (Russel) съ тайнымъ порученіемъ вступить въ переговоры по политическимъ и торговымъ дѣламъ „со всѣмъ освященнымъ соборомъ“. Уже по своему прибытіи они узнали о совершившемся избраніи царя Михаила, и хотя прочность его на первыхъ порахъ возбуждала въ нихъ, какъ и во многихъ другихъ, большія сомнѣнія, они все же успѣли признать вновь народившуюся въ Россіи законную національную власть. Это обстоятельство ясно показываетъ, что проектъ о протекторатѣ Іакова I былъ для англичанъ лишь крайнимъ отчаяннымъ средствомъ охранить свои торговые интересы въ Россіи, за которое они ухватились въ виду полной разрухи въ Московскомъ государствѣ, грозившей воцареніемъ иностраннаго государя. Коль скоро опасность эта миновала, они охотно отказались отъ своего сомнительнаго проекта, предпочитая вернуться къ легальному способу дѣйствія.

¹⁾ Всѣ эти документы напечатаны мною въ *English Historical Review*, апрѣль 1914 года, стр. 246—256.

²⁾ Смори *И. Любименко*, „Англійскій проектъ 1612 года о подчиненіи русскаго сѣвера протекторату короля Іакова I,“ „Научн. истор. журн.“, 1914 г., № 5, стр. 1—16.

По воцареніи Михаила возстанавливаются дружескія сношенія между обоими государствами, и новый царь, оставшіяся, повидимому, въ полномъ невѣдѣніи плана Іакова I, мирно переписывается со своимъ бывшимъ конкурентомъ. Въ 1617 году Англія беретъ на себя роль посредницы при русско-шведскихъ мирныхъ переговорахъ, и бывший агентъ Джонъ Меррикъ, одинъ изъ инициаторовъ подчиненія Россіи Англіи, оказываетъ Московскому государству дѣйствія дипломатическія услуги, результатомъ которыхъ является заключеніе между Россіей и Швеціей Столбовскаго договора. Въ слѣдующемъ году Московская компанія, соединившись съ Остъ-индской, ссужаетъ царю 100,000 долларовъ, необходимыхъ для военныхъ дѣйствій противъ поляковъ.

Такими серьезными услугами англійское купечество покупаетъ въ Россіи возстановленіе своего привилегированнаго положенія. Съ другой стороны, англійскіе и шотландскіе воины охотно поступаютъ на русскую службу. Такъ постепенно возстанавливаются прежнія добрыя отношенія между обоими государствами, но исключительное свое положеніе на русскихъ рынкахъ и при русскомъ дворѣ англичане давно уже утеряли. Двери Московскаго государства все шире открывались для другихъ иностранцевъ; голландцы въ XVII вѣкѣ играли выдающуюся роль въ русской торговлѣ, со шведами Россіей заключено „вѣчное dokonчанье“, на незыблемый характеръ котораго ссылаются въ 1649 году сами русскіе купцы. Этотъ годъ, какъ мы уже видѣли, наноситъ англичанамъ незабываемый ударъ.

Если происки русскихъ купцовъ играли не малую роль въ изгнаніи англійскаго купечества изъ Россіи, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что ему не мало повредилъ и политическій переворотъ въ Англіи. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ самое горячее участіе въ несчастной судьбѣ Карла I и даже посылалъ по этому поводу протестъ ко всѣмъ европейскимъ державамъ, называя Карла „glorieux martyr“. Такимъ образомъ англійское купечество, черезъ цѣлое столѣтіе благополучно пронесшее, несмотря на бури и неурядицы смуты, свои привилегіи, потеряло ихъ вслѣдствіе государственнаго переворота въ самой Англіи. Дипломатическія и торговыя сношенія между обоими государствами всегда стояли въ тѣсной связи. Не разъ уже политическія недоразумѣнія грозили серьезными торговыми осложненіями; въ 1649 году катастрофа оказалась неотвратимой; но безусловно она не такъ легко разразилась бы надъ англійской торговлей, если бы послѣдняя давно уже не утратила въ Россіи своего прежняго блестящаго и первенствующаго положенія.

IV.

Познакомившись съ дѣятельностью англичанъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, посмотримъ теперь, какое вліяніе могли оказать сношенія съ Англіей на Московскую Русь.

Хотя нѣкоторые историки голословно утверждали, что англичане въ XVI вѣкѣ лелѣяли планы политическаго господства надъ Россіей, мы видѣли, что въ эпоху Грознаго и Годунова они стремились, наоборотъ, свести англо-русскія сношенія исключительно на торговую почву и что русскому царю принадлежала инициатива дипломатическихъ сношеній. Если въ самый тяжелый періодъ Смутнаго времени неожиданно выплылъ проектъ политическаго подчиненія Московскаго государства Англіи, то и онъ безусловно былъ продиктованъ опасеніемъ компаниі лишиться своего привилегированнаго торговаго положенія въ случаѣ воцаренія въ Россіи иностраннаго государя. Такимъ образомъ приходится признать, что въ политическомъ отношеніи Россія, правда, не приобрѣла никакихъ преимуществъ, но и не получила никакого умаленія отъ сношеній съ Англіей.

Зато на поприщѣ торговли и мирнаго культурнаго вліянія на наше отечество дѣятельность англичанъ была весьма удачной и благотворной. Мы видѣли, что осторожная торговая политика русскихъ царей предотвратила опасность безцеремонной эксплуатаціи страны новыми пріѣзжими. Привозя многіе полезные товары и вывозя русское сырье, англійскіе купцы вносили въ то же время въ нашу молодую неопытную торговлю и промышленность элементы активности и предпріимчивости. Новое и систематическое проникновеніе въ Россію западныхъ знаній и западныхъ вѣяній отразилось почти на всѣхъ классахъ общества.

Больше всѣхъ англо-русскія сношенія коснулись самого царя. Мы видѣли, какъ значительна была переписка между обоими дворами и какъ милостиво отнесся Грозный къ англичанамъ. Конечно, различіе міросозерцанія и степени культуры русскихъ и англійскихъ монарховъ должно было не разъ создавать препятствія для взаимнаго ихъ пониманія. Несмотря на всю свою склонность къ абсолютизму, Тюдоры справедливо были названы королями буржуазіи. Экономическимъ интересамъ Англіи они придавали огромное значеніе, и королева Елизавета всегда выступала передъ царемъ въ роли горячей заступницы интересовъ англійскихъ купцовъ. Это вліяніе „торговыхъ мужиковъ“ на дипломатическія сношенія раздражало московскаго самодержца, привыкшаго относиться свысока къ своимъ подданнымъ и ихъ интересамъ. Какъ ни мало считалась подчасъ королева Елизавета съ парламентомъ, въ письмахъ къ русскому царю она охотно ссылалась на рѣшенія своего верховнаго совѣта, преподавая подчасъ Грозному краснорѣчивые уроки парламентаризма. Со-

вершено не желая итти навстрѣчу его политическимъ замысламъ, она, тѣмъ не менѣе, умѣло поддерживала его расположеніе къ себѣ и своимъ подданнымъ; и Грозный до самаго конца своего царствованія сохранилъ какое-то особое тяготѣніе къ Англіи, ярко сказавшееся въ его проектѣ женитьбы на англичанкѣ. Охотно бесѣдуя съ вывезенными изъ Литвы нѣмцами, онъ выказывалъ пристрастіе къ обществу англійскихъ докторовъ и пословъ. Дозволивъ протестантамъ имѣть церковь въ Москвѣ, онъ, говорятъ, оштрафовалъ митрополита за обиду иноземцевъ. Царь хвалилъ ихъ обычаи и, славясь германскимъ происхожденіемъ, не разъ оскорблялъ своихъ подданныхъ, выказывая явное предпочтеніе англичанамъ.

Царь Борисъ также любилъ проводить время въ иноземномъ обществѣ и въ своемъ подмосковномъ имѣніи „Хорошево“ окружилъ себя англійскими врачами. Весьма вѣроятно, что именно англійскому вліянію слѣдуетъ приписать его широкіе планы преобразования Россіи и стремленіе ввести ее въ кругъ цивилизованныхъ западныхъ державъ. Недаромъ послѣ его смерти въ народѣ сложилось повѣріе, что царь Борисъ не умеръ, а уѣхалъ со своей казной подъ видомъ купца въ Англію. Мы знаемъ, что его культурныя начинанія произвели на Западъ огромное впечатлѣніе, и, дѣйствительно, въ этомъ ученникъ англичанъ уже сказывается робкій предшественникъ Петра Великаго. ¹⁾

Что касается русскаго боярства, то въ немъ замѣчается любопытная двойственность. Съ одной стороны, приверженность его къ старинѣ, подозрительное отношеніе къ Западу и враждебность къ иностранцамъ хорошо извѣстны. Съ другой—нельзя не отмѣтить и противоположныхъ теченій: государевъ родословець былъ переполненъ прямо фантастическими разсказами, дѣлавшими изъ всѣхъ московскихъ бояръ знатныхъ иностранцевъ. Въ Смутное время неоднократно сказывалось стремленіе избрать иностраннаго государя. Усиленныя запрещенія носить иностранное платье при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ говорятъ о томъ, что и въ XVII вѣкѣ среди русской знати были элементы, весьма наскѣ до западныхъ новшествъ. ²⁾ Любопытенъ отзывъ Голицына, который, высказываясь противъ вліянія Запада, выражалъ опасеніе, что русскіе люди при знакомствѣ съ западной цивилизаціей скажутъ русской землѣ то же, что когда-то говорили послы Владиміра своему князю о греческой вѣрѣ: „Мы убо не можемъ забыть красоты твоя; всякъ бо человекъ, аще вкусивъ сладко, послѣ горести не принимаетъ; тако и мы не имамы сде быти!“

¹⁾ См. *Inna Lubimenko*: „Un précurseur de Pierre le Grand, Boris Godounov“. *La Revue du Mois*, 10 Février 1909.

²⁾ Много свидѣній собрано въ статьѣ *Данто-Данилевскаго*: „Иноземцы въ царствованіе Михаила Феодоровича“. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885 г., сентябрь.

Нѣкоторымъ кажущимся извиненіемъ такого преувеличеннаго опасенія могъ служить отрицательный результатъ сдѣланнаго Годуновымъ опыта посылки русскихъ юношей за границу; извѣстно, что никто не пожелалъ вернуться на родину; одинъ изъ нихъ даже сдѣлался пасторомъ въ Англіи.

Не придавая преувеличеннаго значенія уродливымъ крайностямъ, спутникамъ всякаго новшества, можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ фактовъ тотъ положительный выводъ, что въ Россіи были уже до Петра элементы, способные оцѣнить благодѣтельную роль западныхъ знаній и влияній, проводниками которыхъ съ XVI вѣка являлись англичане.

Съ англійскими купцами пріѣзжали и англійскіе мастера: архитекторы, инженеры, рудознатики, суконщики и т. п. Такъ, въ 1567 г. прибыли изъ Англіи докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера. Заведя канатное дѣло, англичане обучали ему и русскихъ рабочихъ; сами русскіе купцы признавали, что отъ него было кормленіе многимъ русскимъ бѣднымъ людямъ и что русскіе не только учились, но и научились у англичанъ канатному дѣлу.

Англійская предпримчивость сказывалась въ весьма различныхъ областяхъ. Такъ, на Каспійскомъ морѣ впервые построена барка въ 27 тоннъ; въ XVII вѣкѣ въ Россію стали ввозить наволочки, такъ какъ подъ влияніемъ иностранцевъ русскіе обзавелись кроватями. Къ этому же времени относятся первые зачатки садоводства, упоминается разводка розъ. Еще въ XVI вѣкѣ русскіе, повидному, представляли себѣ садъ въ видѣ огорода. Извѣстенъ любопытный анекдотъ о томъ, какъ русскій посолъ, принятый королевой Елизаветой въ ея Виндзорскомъ паркѣ, по возвращеніи своемъ жаловался царю, что королева умалила его достоинство, принявъ его „въ огородъ, гдѣ растеть лукъ и чеснокъ“, и Елизаветѣ пришлось усиленно убѣждать царя, что она не разводитъ подобной зелени подъ окнами своего дворца.

Въ разговорахъ съ англійскими послами и агентами русскіе могли подчасъ почерпнуть полезныя и развивающія знанія. Такъ, Меррикъ знакомилъ ихъ съ основами меркантилизма и съ выгодой для страны обрабатывать свое сырье, приводя въ примѣръ Англію, разбогатѣвшую, когда она стала сама перерабатывать свою шерсть въ сукно. Съ каждымъ западнымъ техникомъ, помимо его специальныхъ знаній, проникалъ въ наше отечество и лучъ западной культуры; англичане селились по всей Россіи и вездѣ должны были подавать примѣръ болѣе культурной жизни, живой предпримчивости и смягченныхъ нравовъ. Они обставляли свои дома съ нѣкоторымъ комфортомъ, разводили вокругъ нихъ сады, сѣяли новыя полезныя растенія, держали свободно своихъ женъ и дочерей.

Русскій сѣверъ расцвѣталъ, благодаря ихъ торговой дѣятельности.

Это ясно сознавалъ уже въ XVIII вѣкѣ изслѣдователь исторіи двинскаго народа *Крестининъ*: „Претерплѣнное Двинскимъ народомъ въ первой половинѣ XVI вѣка подѣ правленіемъ Двинскаго намѣстника несчастіе, говоритъ онъ, перемѣнилось въ самомъ началѣ втораго того-жъ вѣка половины въ новое и совсѣмъ неожиданное благополучіе, къ сему первый путь Россіанамъ открыли англичане“. Многіе отдаленные города и мѣстности, не игравшіе прежде никакой роли, втянуты новыми пришельцами въ кругъ торговаго движенія; въ Колѣ на Мурманскомъ берегу появляется новая таможня; въ устьѣ Печоры близъ Шустозерска—иностранные корабли; Тотма, Сольвычегодскъ, Устюгъ неоднократно упоминаются въ бумагахъ компаніи. Но особенно расцвѣли Холмогоры и Вологда, стоявшія на пути англичанъ отъ бухты Святого Николая на Москву. Вологда дѣлается центромъ торговли льномъ. Въ виду ея новаго значенія царь Иванъ Васильевичъ предпринялъ въ ней грандіозныя каменные постройки, пригородъ ея былъ исключительно населенъ англичанами. Одно время царь даже намѣревался сдѣлать ее своей столицей. Говорили, что его соблазняла возможность на строящихся тамъ корабляхъ легко скрыться въ Англію. Вѣроятноѣ, что имъ руководили соображенія, близкія къ причинамъ, побудившимъ Петра основать Санктъ-Петербургъ: Россія тянулась къ Западу. Въ XVII вѣкѣ Строгановы, у которыхъ на сѣверѣ были земли и производства, отлично оцѣнили значеніе иностранцевъ; на Вычегдѣ и на Уралѣ были врачи, аптекари и техники изъ англичанъ.

Кстати о врачахъ. ¹⁾ Англіи Россія обязана первымъ развитіемъ врачебнаго и аптекарскаго дѣла. Черезъ посредство компаніи было приглашено не мало англійскихъ врачей на русскую службу. Не слѣдуетъ думать, что попадавшіе въ Россію доктора набирались изъ западныхъ отбросовъ. Аптекарскій приказъ относился съ величайшей осторожностью къ выбору врачей, требуя хорошихъ рекомендацій и аттестатовъ. Часто состоящіе уже на службѣ устранивали вновь поступающимъ экзамень, и потому мы встрѣчаемъ среди нихъ имена ученѣйшихъ мужей, получившихъ свои докторскіе дипломы въ лучшихъ университетахъ. Arnolph, Standish, Elms имѣли солидную репутацію и пользовались большимъ расположеніемъ Грознаго; по совѣту доктора Якоби онъ рѣшилъ свататься къ Маріи Гастингсъ. Въ 1621 году явился на русскую службу докторъ Артемій Діи (Dee), бывший лейбъ-медикъ короля Іакова I, учившійся medicinѣ въ Вестминстерѣ и Оксфордѣ. Въ Москвѣ онъ написалъ ученый трактатъ, который былъ впоследствии напечатанъ въ Парижѣ. Любопытно отмѣтить, что онъ былъ сыномъ знаменитаго математика, профессора Джона Діи, котораго Грозный пытался пригласить на

¹⁾ См. *Записки*: „Врачи и врачебное дѣло въ Россіи“.

русскую службу еще въ 1586 г. Отъ чего отказался отецъ, на то пошелъ сынъ. Въ царствованіе Грознаго основана въ Россіи первая аптека; это событіе относится, повидимому, къ 1581 г., времени пріѣзда въ Россію аптекаря Френчама (Francham).

Какъ врачи, такъ и аптека были первоначально разсчитаны исключительно на пользованіе царемъ и его семьей; но уже въ первой половинѣ XVII вѣка къ нимъ стали прибѣгать бояре, а затѣмъ весьма быстро потребность въ лѣченіи охватываетъ и болѣе широкіе слои населенія. Въ военное время англійскіе врачи оказывали большія услуги; такъ, при осадѣ крѣпости Бѣлой княземъ Прозоровскимъ въ 1632 году присланъ былъ лѣкарь для лѣченія дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. Въ походѣ 1644 г. участвовалъ лѣкарь Роллантъ „для лѣчбы ратныхъ людей“.

Англичане, пріѣзжавшіе въ Россію, оказали серьезную услугу и русской исторіографіи. Такъ какъ многіе изъ нихъ были опытными путешественниками, людьми образованными и наблюдательными, то они оставили намъ цѣнныя замѣтки и книги о Московскомъ государствѣ. Конечно, въ такихъ сочиненіяхъ встрѣчаются и погрѣшности, но рядомъ съ ними мы находимъ очень много любопытныхъ и заслуживающихъ довѣрія данныхъ. Интересы у англичанъ естественно были шире и глубже, чѣмъ у русскихъ хроникеровъ XVII вѣка; послѣдніе интересовались преимущественно вышними событиями, тогда какъ англичане понимали уже значеніе экономическихъ и культурныхъ факторовъ. Одинъ англичанинъ написалъ даже стихотворную поэму о своемъ путешествіи въ Россію. Особенно цѣнными изъ ихъ сочиненій являются для XVI вѣка книги Флетчера ¹⁾ и Горсея, ²⁾ а для эпохи Смутаго времени сочиненія Оомы Смита и Джона Меррика. ³⁾ Послѣдній особенно хорошо зналъ Россію, такъ какъ выросъ въ Москвѣ при своемъ отцѣ, служившемъ агентомъ у компаніи. Онъ является виднымъ представителемъ новаго типа англичанъ, выработавшагося въ новыхъ условіяхъ; воспитанное въ Россіи при англійскихъ домахъ, это новое поколѣніе, хотя и ѣздившее, вѣроятно, учиться въ Англію, уже носитъ на себѣ любопытныя черты обрусѣнія. Читая письма этой молодежи (нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ), находимъ въ нихъ не только отдѣльныя русскія слова, какъ-то: „дворяне“, „гости“, „пожаловать“ и т. д., но и цѣлыя обороты, заимствованныя у русскихъ и свидѣтельствующіе о вырожденіи у этихъ англичанъ новой

¹⁾ См. *Середонинъ*: „Сочиненія Джильса Флетчера какъ историческій источникъ“.

²⁾ Лучшее изданіе сочиненій Флетчера и Горсея сдѣлано Вонд'омъ.

³⁾ Для XVII вѣка цѣнны также сочиненія Самуила Коллинса и Карлейля. Большая часть извѣстій англичанъ о Россіи печаталась въ разное время въ русскихъ переводахъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей“.

формаціи ихъ національной гордости и достоинства свободнаго гражданина. Если въ концѣ царствованія Грознаго англійскій посоль держалъ входить къ царю, не снимая шляпы, то теперь, по прошествіи всего двухъ десятилѣтій, члены и агенты общества, величающіе себя, по русскому обычаю, по имени и отчеству, именуется въ письмахъ „вѣрными холопами царя“ и не только „кланяются ему въ полномъ подчиненіи“, но и „со смиреніемъ склоняются подъ его ноги“.

Самъ Меррикъ жаловался на то, что служащіе англійской компаніи женились на русскихъ, съ чѣмъ была сопряжена переменна религіи. Самуэль Коллинсъ въ XVII вѣкѣ насчитывалъ до 200 англичанъ, шотландцевъ и голландцевъ, принявшихъ православіе. Эти англичане уже до нѣкоторой степени сливались съ русскими, такъ какъ, принявъ ихъ вѣру, не возбуждали прежняго недобвѣрія, а потому ихъ культурное вліяніе во многихъ случаяхъ должно было быть особенно сильно.

Нѣкоторыя сужденія англичанъ о Россіи весьма любопытны. Такъ, еще Канслеръ въ одномъ своемъ письмѣ писалъ, что, если бы русскіе были приучены къ дисциплинѣ и обучены военному искусству, то врядъ ли кто-нибудь могъ бы съ ними сравняться. Съ другой стороны, инженеръ Перри указывалъ, что въ Англій и другихъ странахъ правительство подбадриваетъ купцовъ и мастеровъ, въ Россіи же грубость Московскаго правительства останавливаетъ всякое стремленіе къ предпріятію; а потому—пессимистически заключаетъ онъ,—тамъ никогда ничего не будетъ удаваться.

Въ концѣ XVI вѣка англійское вліяніе сталкивается въ Московскомъ государствѣ съ голландскимъ, и въ XVII вѣкѣ голландцы берутъ на Руси значительный перевѣсъ. Англичане жаловались, что они всюду перебиваютъ ихъ хлѣбъ, унижаютъ и высмѣиваютъ ихъ передъ русскими, сочиняя на нихъ пасквили и рисуя каррикатуры, въ которыхъ Англія изображается въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами.

Причины успѣховъ голландцевъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ до сихъ поръ не вполне выяснены. Англичане приписывали ихъ интригамъ и взяткамъ, но, съ другой стороны, сами указывали на то, что голландцы умѣютъ угодить русскому вкусу, заботясь о разнообразіи и дешевизнѣ товаровъ, тогда какъ англичане слишкомъ специализировались на ввозѣ суконъ. Вѣроятно же всего, что здѣсь приходится считаться съ общимъ ходомъ историческаго развитія, передавшимъ въ XVII вѣкѣ экономическое господство въ Европѣ изъ рукъ англичанъ въ руки голландцевъ. Однако дѣятельность послѣднихъ въ Россіи не производитъ благоприятнаго впечатлѣнія. Голландскіе агенты большею частью менѣе интеллигентны, чѣмъ англійскіе, которымъ они во многихъ случаяхъ находятъ нужнымъ подражать. Въ то же время голландцы не разъ проявляли свое полное непониманіе русскихъ экономическихъ условій. Такъ, напримѣръ,

въ 1632 г. они выступили съ несообразнымъ проектомъ полученія на тридцать лѣтъ исключительной привилегіи на персидскую торговлю, строго охранявшуюся московскими государями уже съ конца XVI вѣка отъ чрезмѣрныхъ иностранныхъ appetitовъ. Повидимому, они ворочали большими капиталами и умѣли щедростью располагать къ себѣ падкихъ до взятокъ бояръ и приставовъ.

Однако, царь Михаилъ еще твердо помнилъ, что первыми пионерами въ Россіи явились англичане, и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы число голландскихъ купцовъ въ Россіи не превышало числа англійскихъ. Но изгнаніе послѣднихъ въ 1649 г. было широко использовано ихъ конкурентами и, хотя англичанамъ и послѣ этого давались частичныя разрѣшенія торговать въ Московскомъ государствѣ, первенствующее положеніе въ Россіи было ими утеряно навсегда. Поэтому, къ тому времени, когда юный царь-освободитель жадно впитывалъ въ себя воздухъ „нѣмецкой слободы“, нѣмецкіе и голландскіе элементы уже въ значительной степени вытѣснили въ ней англійскіе. Объ этомъ можно лишь пожалѣть, такъ какъ, рядомъ съ могучими побужденіями къ промышленному и торговому развитію и техническимъ знаніямъ, полученными Петромъ отъ голландцевъ и нѣмцевъ, англійское вліяніе могло бы дать великому царю еще и не мало цѣннаго въ области развитія государственныхъ учрежденій и правовыхъ нормъ. Англичане два вѣка тому назадъ были безмѣрно культурнѣе германскихъ народовъ, и Россія, быть можетъ, много выиграла бы, если бы восприняла западную цивилизацію, при могучемъ посредствѣ царя-преобразователя, отъ того самаго народа, который еще въ XVI вѣкѣ принесть ей первые начатки западныхъ знаній и съ которымъ такъ упорно стремился связать себя прочнымъ политическимъ союзомъ царь Иванъ Васильевичъ.

Инна Любименко.